

Роман «Балканы» на русском языке принёс автору Светлане Васильевне Савицкой Литературную премию от Союза писателей России им. М. А. Шолохова.

Союз писателей и историков Центральной Азии «Янги Овоз» наградил автора романа «Балканы» и группу переводчиков на турецкий язык романа «Балканы» медалью «Туран Биримдиги» («Настоящий писатель»). Предлагаем читателям небольшой отрывок из романа «Балканы», переведённого на турецкий, болгарский, арабский языки.

БАЛКАНЫ

Отрывки из романа

Глава 1. ЭСКИ ЗАГРА

Увидишь ребёнка, погладь по голове, вдруг твой!

Увидишь пожилого человека, поздоровайся, вдруг твой отец!

Болгарская поговорка

Напитавшись за ночь соком земли, коряжистые высоченные акации в вечном противоборстве камней и деревьев с магически-тихим треском поднимали корнями вековые мраморные плиты старой римской дороги. Ночная прохлада сдавала позиции кустик за кустиком, деревце за деревцем. Эски Загра просыпалась с пением петухов, мычанием коров да звонкими окриками пастухов. Щебечущее ласточками солнце явило сияние своё из-за гор, добавляя новый аккорд к рассветному хоралу. Долину опалило белым жаром нового дня.

Расстелив пред собою коврик, старый Бекур привычно устроился в ожидании азана.

Белёные каменные дома, крытые красной черепицею, отворяли окна. Потянулись дымки душистого табака турецких трубок и свежесваренного кофе. Пространство огласила молитва муэдзина с самого высокого в городе минарета:

– Оуа Аййййлла!!

Ей вторили стройные красивые голоса с минаретов пониже ещё пятнадцать таких же мусульманских мечетей – пусть неверные помнят, кто последние пятьсот лет является хозяином на Балканской земле. Пять раз в день помнят! Органное многоголосье навязчиво множилось эхом гор и разливалось по улицам, проникая лучевыми вибропосылами с высоты стройных минаретов сквозь высокие кирпичные заборы и толстые стены особняков от чердаков до подвалов двадцатипятипятитысячного града.

Еле слышно, точно украдкой, задребезжали колокольчики массивных тяжёлых входных дверей четырёх православных храмов, оглашая выходной день – воскресенье. Колокольный звон был строго запрещён. Проснулись и две синагоги.

За пятьсот лет город, казалось, привык к этой ежедневной процедуре. Турецкие дома мало чем отличались от домов болгарских. Они составляли добрую половину поселения. Обычно двух-, реже трехэтажный дом с чердаками и подвалами охранялся высоким каменным забором, увитый плющом и виноградом. В каждом дворе – свой колодец. Цветники. Крытые сарайки для домашней живности.

Служители мечетей муэдзины пели по-разному. Бекур мог различить и высокий точный голос слепого Мухамеда, которого из бедной семьи отдали на эту службу в поисках заработка. И кривого старика Садыка – как его ещё держат на высокой должности с таким расшатанным голосом? И про-никновенного Ибрагима, забирающегося низкими густыми нотами до самых потрохов!

– Хорошо, когда муэдзин слеп, – вздохнул Бекур, – не надо видеть с минарета женщин в чужих гаремах!

– Мерхаба (приветствую тебя), Бекур Бей (Уважаемый)! – мягко подошёл Джемал, слегка запыхавшийся после крутого подъёма. – Высоко ты забрался, прямо как муэдзин!

– Во время нида правочерные молчат! – буркнул старый внуку, но тем не менее поприветствовал: – Мерхаба, агабей, внемли азану, обретёшь истину...

Внук привычно ловко отвязал от пояса коврик, устроился рядом с дедом.

Джемал часто навещал старца. Его привлекал аскетический дом мудрого антиквара, построенный на римских развалинах. Здесь никогда не услышишь женских сплетен и возни, так как дед не держал гарема. Дети выросли. А жёны давно умерли. Со всей округи люди везли сюда остатки уникальных творений древних цивилизаций, расцветших и угасших на Балканах. И дед, предлагая их в обмен или на продажу знатокам и коллекционерам Парижа, Мадрида или Брюсселя, мог рассказывать о каждом невзрачном на первый взгляд пустяке просто часами! А ещё дед знал хорошо медицину. Ему были подвластны секреты лечебных снадобий.

Бекур напускал на себя строгий вид напрасно. Юношеское горячее сердце Джемала всё равно чувствовало кровную любовь. И пытливый ум тянулся к знаниям. Но ещё больше нравилась внуку иллюзия полной свободы. Глядя сверху на всю Эски Загру (Стару Загору), он как-то особенно восторженно радовался, что отворяются лавки горшечников, кожевников и кузнецов, что погонщики мулов по домам развозят колотый лёд для холодильников и крестьяне заполняют дороги к рынку, неся в корзинах яйца и птицу, пирожки и зелень...

А ещё, если честнее сказать, среди множества домов он любил наблюдать за тем единственным, по двору которого бегала с сёстрами и братьями неуёмная Живка. За воротами дома она не одевала белого платка. И косы светились на солнышке, как золотые.

Когда молитва закончилась, дед пригласил Джемала жестом в библиотеку. Балконы, увитые виноградом, приятно проветривал горный воздух. Книги и свитки казались живыми, неуловимо шестелящими на лёгком ветерке. Раб Данчо, давно ставший для старого турка другом и собеседником, подал к завтраку с поклоном лепёшки и мёд.

– Читай урок, – повелительно приказал или предложил дед, отпустив жестом Данчо и не опускаясь на подушки.

– Моя Эски, О! Эски Загра!
Ты красива, светла! Зелена!
Хороша, как Стамбул и Итака,
Воспою твою прелесть сполна... –

продекламировал внук выполненное домашнее задание.

– Неплохо, – скупо кивнул старик.

– Неплохо – это не очень хорошо или...? Чего-то не хватает?

– Это пока не поэзия. Это просто стихи, точнее, зарифмованные слова, дорогой Джемал.

– В чём разница? – обиделся паренёк.

– Ты видишь только колдеримче (такие цветы) и не чувствуешь земли, из которой они растут.

Смысл поэзии, дружочек, в высоте и глубине. А не только в возвышенности стилия.

– А как надо?

– Как? Учи Алишера Навои! Он живёт в поэзии. Он плывёт в ней. Он становится тобою!

Весна мне – преисподний ад, когда ты не со мной:
Цвет красных роз огнём объят, цвет белых – ледяной.
С тобою врозь весна – что ад, и станет адом рай:
Ведь без тебя и райский сад не расцветёт весной.

– Я знаю Навои! – буркнул обиженно Джемал.

– Как? Как можно говорить, что ты знаешь Навои? Ты лишь знаешь слова его, облечённые в бумагу! – погорячился Бекур, но тут же, как бы извиняясь за вспыльчивость, проникновенно улыбнулся и вдруг предложил: – Хорошо, читай Навои.

– Из твоих медвяных уст горька любая речь:
Не говори, что наг-раздет несчастный Навои:
И в холод одеянья бед его хранят и в зной.
Несёт нам вести небосклон, что шах уж на коне,
Секирою вооружён – недельною луной, –

продолжил внук и добавил:

– Не понимаю, зачем писать то, что непонятно!?! Стихи должны быть выше человеческого, грубого, но и понятны. Так?

– Стихи могут быть и грубы, но народ должен узнавать лицо поэта и лицо его нации. И своё лицо в лице поэта! – многозначительно произнёс антиквар. – Предлагаю далее продолжить урок за чашечкой кофе. – Он звякнул колокольчиком:

– Данчо! Кофе! И рахат-лукум. Сладкое полезно для умственного труда.

– Уважаемый Бекур, прости меня за мои стихи, я старался.

– Я вижу. Я скажу твоему отцу Рашиду и матушке Жугмур, что ты делаешь успехи.

– Спасибо, уважаемый Бекур!

Данчо, мягко ступая, поставил на небольшом столике сладкое, две крошечные чашечки из тончайшего китайского фарфора. Сквозь стенки проглядывали прозрачные, точно стеклянные, рисовые зернышки:

– Извольте!..